

Рыков Алексей Викторович

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: НА ПРИМЕРЕ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА И РАБОЧИХ СОВХОЗОВ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В статье рассмотрены особенности повседневных и адаптационных практик социальных групп сельского общества - колхозников и рабочих совхозов - в годы войны в контексте государственной социальной политики. Для этого сравниваются формы и размеры оплаты труда, личное подсобное хозяйство, характерные черты социально-правового статуса. Автор приходит к выводу, что в годы войны возможности колхозного крестьянства и рабочих совхозов различались. Главную роль в системе жизнеобеспечения для данных групп стала играть семейная экономика.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-3/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 3. С. 149-152. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Человек, потерявший связь с традицией, попадает в сложную ситуацию. Освободившись от ограничений прошлого, ему приходится самостоятельно принимать решения. У человека появляются проблемы зависимости от событий повседневной жизни. Разрывы в традиции, связанные с разрушением традиционной основы общества, приводят к тому, что ощущение себя как личности у человека пропадает, он должен заботиться о себе, сохранять и воссоздавать свою идентичность.

Список литературы

1. **Ассман Я.** Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. **Бауман З.** Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
3. **Гидденс Э.** Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
4. **Куренной В.** Персональная идентичность [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/faq/10442> (дата обращения: 10.09.2013).
5. **Малахов В. С.** Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 43-53.
6. **Николаев В. Г.** Идентичность // Культурология. XX век: энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред., сост. и автор проекта С. Я. Левит. СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. Т. 1. С. 238-239.
7. **Романовская Е. В., Фоменко Н. Л.** Идентичность и коммеморация // Власть. 2015. № 7. С. 81-84.
8. **Фрейд З.** Забывание впечатлений и намерений // Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 134-148.
9. **Хаттон П.** История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003. 423 с.
10. **Эрикссон Э.** Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 2006. 352 с.

IDENTITY AND TRADITION

Romanovskaya Evgeniya Vasil'evna, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Saratov State University
evromanovskaya@mail.ru

Recently there has been great outburst of interest to such phenomenon as identity. We have addressed the problem of identity transformation, which manifests itself in the epoch of breaking traditions. One of scientific directions in knowledge pertaining to the humanities connects the study of the identity problem with change of the tradition role in the modern society. Analysis of the process of relationship of tradition and identity in the post-traditional world is in the focus of this work.

Key words and phrases: tradition; identity; social identity; negative identity; memory.

УДК 94(571.1)+39(=161.1)

Исторические науки и археология

В статье рассмотрены особенности повседневных и адаптационных практик социальных групп сельского общества – колхозников и рабочих совхозов – в годы войны в контексте государственной социальной политики. Для этого сравниваются формы и размеры оплаты труда, личное подсобное хозяйство, характерные черты социально-правового статуса. Автор приходит к выводу, что в годы войны возможности колхозного крестьянства и рабочих совхозов различались. Главную роль в системе жизнеобеспечения для данных групп стала играть семейная экономика.

Ключевые слова и фразы: культура жизнеобеспечения; сельское русское население; Великая Отечественная война; социалистическая модернизация; колхозное крестьянство; рабочие совхозов; юг Западной Сибири.

Рыков Алексей Викторович

Алтайский государственный педагогический университет
avrykov@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: НА ПРИМЕРЕ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА И РАБОЧИХ СОВХОЗОВ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019 а1
«Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири
в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» (рук. – д.и.н. Т. К. Щеглова).*

В СССР в 1930-е гг. происходил активный процесс социалистической модернизации. Одним из объектов данного процесса стала социальная структура советского общества. В частности, это касалось и структуры сельского населения. В определенной степени одним из ее последствий стало ухудшение материального

положения, которое усугубилось введением военного положения в годы Великой Отечественной войны. Сельское население пыталось адаптироваться к ухудшившимся условиям.

На адаптацию отдельных жителей сельской местности влияло несколько различных групп факторов. Их подробно в своих работах рассматривает Т. К. Щеглова [24]. Одним из факторов являлась принадлежность к той или иной социальной группе сельского общества. Было сделано предположение, что условия и возможности адаптации к военному времени у социально-профессиональных групп сельчан были разные [22, с. 252].

Изучение социальной структуры населения СССР сталкивается с проблемой обеспечения источников. В частности, относительно материалов переписи 1939 г. многие исследователи придерживаются точки зрения о фальсификации ее результатов. В целом материалы данной переписи можно использовать при характеристике социального состава населения края. Еще одним важным источником являются материалы единовременных отчетов о возрастном и половом составе. В них деление на социальные группы представлено более крупно по сравнению с переписью 1939 г. Это не позволяет подтвердить или опровергнуть материалы предвоенной переписи по небольшим социальным группам.

Отсутствие точных данных по социальным группам не препятствует изучению их культуры и системы жизнеобеспечения, так как историческая память современных старожилов базируется на конкретном жизненном опыте их представителей. Как отмечает Т. К. Щеглова, социально-экономическая дифференциация нашла свое отражение в народной интерпретации исторической практики [23, с. 376].

Главной целью данной статьи является рассмотрение способов выживания и адаптации к военному времени наиболее массовых социальных групп, представители которых являлись информантами во время полевых исследований – колхозники, рабочие совхозов.

Также в работе использованы материалы устной истории, полученные в результате полевых исследований Центра устной истории и этнографии АлтГПУ с использованием вопросников. Можно констатировать, что материалы интервью вполне репрезентативны и адекватно соотносятся с характеристикой населения, представленной в статистике. Устные источники позволяют рассмотреть повседневные и адаптационные практики в контексте социально-экономического положения советского крестьянства.

Всего на Алтае в 1939 г. в сельской местности проживало 2 087 203 человека [19, д. 266, л. 2]. В годы войны произошло значительное снижение численности сельского населения края: с 1939 по 1945 гг. на 637 тыс. чел. (30,5%).

Колхозники являлись крупнейшей социальной категорией в годы войны. Общая численность колхозного крестьянства на 1945 г. составляла 969 039 человек [8, д. 13, л. 1]. Численность работающих колхозников на 1945 г. составляла 491,3 тыс. чел. [9, д. 3474, л. 58]. Общую численность рабочих совхозов точно установить нельзя, так как они в статистике были включены в более крупную группу рабочих, служащих и кооперированных кустарей. Численность этой группы составляла 447 тыс. чел. [8, д. 13, л. 1]. Но следует отметить, что численность рабочих совхозов, занятых в производстве, в 1945 г. составляла 36 тыс. чел., что было сопоставимо с числом работников в народном просвещении, торговле, транспорте и связи края [1, с. 39, 43].

Основной мерой оценки и учёта труда в колхозах во время войны был трудодень. За каждую работу устанавливались нормы выработки [18]. Колхозник мог получить за свою работу за 1 рабочий день сразу несколько трудодней или меньше 1 трудодня. Распределение доходов артели по «колхозным душам» происходило в конце года, согласно количеству выработанных каждым членом артели трудодней. При этом сначала покрывались общие артельные потребности: возврат семенных ссуд, засыпка семян и др. В Алтайском крае по сравнению с 1941 г. средний размер выдаваемого зерна на 1 трудодень в 1943 г. упал в 2 раза (с 1,21 до 0,42 кг) [10, д. 1701, л. 26]. Оплата колхозникам на трудодень полностью зависела от возможностей каждого конкретного колхоза. Снижение выплат по трудодням отмечают и сами респонденты. Н. Ф. Грачева: «Давали на трудодень совсем мало. Мешок, кто два, там, три получит пшеницы, и все» [3].

Рассказы колхозников позволяют выявить особенности в оплате труда. Перед оплатой происходило высчитывание за общественное питание. Вспоминает А. Т. Аксенова: «При отчетном подсчитают, сколько ты заработал. Бывает, что кто-то маленько получит, а кто-то только распишется» [2]. В отличие от колхозного крестьянства рабочие колхозов получали заработную плату, которая зависела от норм выработок и установленных за них расценок. Перед войной данные расценки были снижены, а нормы – увеличены [15].

Во время войны условия труда рабочих совхозов ухудшились. Как отмечает А. И. Трофимова, в совхозах РСФСР был установлен одиннадцатичасовой рабочий день, увеличиваемый в страдную пору до 16 часов. Уход из совхоза или переход на другое предприятие теперь могли быть осуществлены только с разрешения директора, вводилась судебная ответственность за прогулы без уважительных причин [20, с. 1834].

Несмотря на снижение выплат, получение натуральной оплаты по трудодням оставалось важным источником продовольствия для колхозников. Сохранение данного источника делало их положение более устойчивым по сравнению с рабочими совхозов, получавшими оплату деньгами. В результате стремительного роста рыночных цен на продовольствие многие уже не могли себе позволить покупать необходимое.

Особенностями социального положения колхозников являлось то, что они имели ряд ограничений по сравнению с другими социальными группами. Колхозники не имели паспортов и могли покидать сельскую местность исключительно по решению местных администраций. В отличие от колхозников рабочие совхозов имели паспорта [13]. Колхозники не имели права на отпуск, оплату больничных листов, им не назначались пенсии, женщинам-колхозницам не оплачивались отпуска по беременности и родам. В совокупности с увеличившейся интенсивностью труда данные особенности значительно ухудшали жизнь колхозников. А. И. Абалихина рассказывает: «В войну я заболела и пошла в больницу пешком. Иду в больницу, а навстречу управляющий едет: “Куда нарядилась? Воспаление хитрости у тебя, да?”. В больнице справку

на три дня дали. Еле потом отходилась» [21, с. 383]. Положение рабочих совхозов в этом плане отличалось в лучшую сторону. Рабочие, являвшиеся членами профсоюза, пользовались социальным страхованием. Они имели право на пособие по инвалидности, потере кормильца, старости и временной нетрудоспособности [17].

Важной особенностью колхозников как социальной группы являлось то, что у них было право на приусадебные участки. Размер участка и количество скота в подсобном хозяйстве было ограничено «Примерным уставом сельскохозяйственной артели» [18]. Территория Алтайского края относилась к районам, которым предписывалось иметь на одно хозяйство 1 корову, до 2 голов молодняка, 1 или 2 свиноматки с приплодом, до 10 овец и коз, неограниченное количество птицы и кроликов и до 20 ульев. Количество земли, не считая земли под жилыми постройками, могло колебаться от 0,25 до 0,5 га. В годы войны, по данным налогового учета, средние размеры огорода составляли около 0,23 га [7, д. 683, л. 135]. При этом, по воспоминаниям респондентов, размеры огорода могли превышать данные нормы. В военные годы складывалась ситуация, когда колхозники засаживали столько земли, сколько могли обработать. В. Е. Тютрева рассказывает: «А мама успевала везде. И в бригаду ездила на работу каждый день, и два огорода засаживала картошкой, чтобы прокормить нас» [5].

В военное время личное подсобное хозяйство являлось одним из важнейших источников средств к существованию колхозников из-за снижения выплат на трудодни. Подсобное хозяйство стало основным источником продовольствия для колхозников. И. М. Кудрявцев рассказывает: «Тут же огороды огромные были. Только ими и жили. Там и картошка, там и конопль, там и лен. Все засевалось. Целый гектар был» [4]. Продажа продукции подсобного хозяйства на рынке позволяла получать колхозникам деньги для оплаты налогов и покупки промышленных товаров. А. Н. Кошкина рассказывает: «Тогда налоги то были, займ, а надо их платить. А где деньги то брать? Вот и надо везти все. Еще это надо уплатить» [6]. Именно поэтому в Алтайском крае в 1945 г. 96,6% колхозных дворов имело ЛПХ [11, с. 61-62].

Рабочие совхозов также имели право на приусадебный участок. С 1940 г. на одну семью полагалось «не более 0,15 гектара, включая площадь, занятую постройками» [16]. С 1938 г. рабочим совхозов было разрешено иметь скот. Разрешалось иметь 1 корову и теленка до 4 месяцев или 1 козу, а также 1 свинью для откорма. Теперь рабочим совхозов должны были осуществлять обязательные поставки молока и мяса по нормам колхозников [14].

Во время войны увеличение роли подсобного хозяйства было характерно не только для колхозников, но и для рабочих совхозов. Как отмечает В. П. Мотревич, в связи с ухудшением материального положения работников Наркомат совхозов СССР установил, что вместо свиней работники совхозов могут держать овец [12, с. 64]. Это следует связывать с тем, что в условиях военного времени рабочие совхозов уже не могли прокормить свиней, содержание овец в данных условиях являлось более практичным.

Подводя итог, следует отметить, что в годы войны возможности колхозного крестьянства и рабочих совхозов различались. Это было связано с разным социально-правовым положением данных групп. Во время Великой Отечественной войны наблюдается сближение статуса колхозного крестьянства и рабочих совхозов по многим характеристикам. Но в целом колхозное крестьянство оказалось более адаптированным и приспособленным к военным условиям. Главную роль в системе жизнеобеспечения для данных групп стали играть возможности семейной экономики, которые, прежде всего, заключались в содержании личного подсобного хозяйства.

Список литературы

1. Алтайский край. Великая Отечественная война: цифры и факты: юбилейный статистический сборник. Барнаул, 2015. 104 с.
2. Архив Центра устной истории и этнографии Лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ). Материалы историко-этнографической экспедиции (ИЭЭ) 2011 г. Волчихинский район, с. Бор-Форпост. Аксенова А. Т., 1934 г.р.
3. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2011 г. Волчихинский район, с. Селиверстово. Грачева Н. Ф., 1930 г.р.
4. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2012 г. Панкрушихинский район, п. Лебедиха. Кудрявцев И. М., 1928 г.р.
5. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2014 г. Романовский район, с. Гилев-Лог. Тютрева В. Е., 1941 г.р.
6. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2016 г. Ельцовский район, с. Ельцовка. Кошкина А. Н., 1930 г.р.
7. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-606. Оп. 1.
8. ГААК. Ф. Р-718. Оп. 43.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-310. Оп. 1.
10. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 7.
11. Ильных В. А. Личное хозяйство колхозников в 1930-е – конце 1950-х гг. // Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы. Новосибирск, 2001. С. 53-83.
12. Мотревич В. П. Жизнь в катастрофе: питание сельчан на Урале в годы Великой Отечественной войны // Аграрный вестник Урала. 2016. № 4. С. 60-65.
13. О выдаче гражданам СССР паспортов на территории СССР: Постановление СНК СССР от 28 апреля 1933 года № 861 // Правда. 1933. 29 апреля.
14. О количестве скота, находящегося в индивидуальном пользовании работников совхозов [Электронный ресурс]: Постановление СНК СССР от 30.09.1938 г. № 1048. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. О повышении норм выработки и снижении расценок в связи с переходом на 8-часовой рабочий день: Постановление СНК СССР от 26.06.1940 г. № 1099 // Правда. 1940. 27 июня.
16. О приусадебных участках рабочих и служащих, сельских учителей, агрономов и других не членов колхозов, проживающих в сельской местности: Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 28.07.1939 г. № 1125 // Правда. 1940. 30 июля.
17. О социальном страховании: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 23.06.1931 г. // Правда. 1931. 26 июня.

18. **Примерный устав сельскохозяйственной артели:** утв. СНК СССР, ЦК ВКП(б) 17.02.1935 г. // Советская Сибирь. 1935. 20 февраля.
19. **Российский государственный архив экономики** (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336.
20. **Трофимова А. И.** Правовое положение категорий совхозного социума России в 1930-1950-х гг. (по материалам Европейского Севера РСФСР) // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9. С. 1833-1842.
21. **Щеглова Т. К.** Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул, 2008. 527 с.
22. **Щеглова Т. К.** Система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в годы Великой Отечественной войны: повседневные адаптационные практики, замещающие технологии и жизненные стратегии (в программе Центра устной истории и этнографии, посвященной 70-летию Победы) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2014 г. / отв. ред.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова. Барнаул, 2015. С. 248-262.
23. **Щеглова Т. К.** Структура и категории сельского русского населения сибирской деревни как фактор адаптационных механизмов традиционной культуры жизнеобеспечения в повседневных практиках войны 1941-1945 годов: к проблеме введения и интерпретации материалов устной истории в научные тексты // Этнография Алтая и сопредельных территорий / под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул, 2015. Вып. 9. С. 366-378.
24. **Щеглова Т. К.** Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны: научные и методические материалы. Барнаул, 2015. 132 с.

**FEATURES OF LIFE SUPPORT SYSTEM OF RURAL POPULATION DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR: BY THE EXAMPLE OF THE COLLECTIVE-FARM PEASANTRY
AND STATE-FARM WORKERS OF THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA**

Rykov Aleksei Viktorovich
Altai State Pedagogical University
avrykov@bk.ru

The article describes peculiarities of everyday and adaptation practices of social groups of the rural society – collective-farm and state-farm workers – during the war in the context of the state social policy. For this purpose the author compares forms and rates of wages, personal subsidiary plots, characteristic features of the social and legal status. The researcher concludes that during the war possibilities of the collective-farm peasantry and state-farm workers were different. The main role in the life support system for these groups was played by family economy.

Key words and phrases: culture of life support; Russian rural population; The Great Patriotic War; socialistic modernization; collective-farm peasantry; state-farm workers; south of Western Siberia.

УДК 298.9

Философские науки

На основе анкетного опроса респондентов, присутствовавших на празднике «Купала», в статье проводится анализ вопросов, связанных с причинами, побудившими рядовых членов современного славянского языческого сообщества принять участие в празднестве. Устанавливаются преобладающие комплексы мотивов и целей данного участия.

Ключевые слова и фразы: современное славянское язычество; праздник; мотивация; социологический опрос; новые религиозные движения; община.

Саберов Рушан Анвярович
Шляхов Михаил Юрьевич, к.и.н.
Суровегина Екатерина Сергеевна

Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина
saberow@yandex.ru; mik-shlyakhov@yandex.ru; ekaterina.surovegina@mail.ru

**СОВРЕМЕННЫЙ ЯЗЫЧНИК НА ПРАЗДНИКЕ
(АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ МОТИВАЦИИ УЧАСТНИКОВ ПРАЗДНИКА)**

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Комплексное историко-религиоведческое изучение феномена русского неоязычества» (проект № 15-31-01247).

Летом 2016 года сотрудники научно-исследовательской лаборатории «Новые религиозные движения в современной России и странах Европы» Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина провели анкетный опрос среди представителей русских языческих общин и союзов, собравшихся на праздник «Купала» (деревня Лукино, Рузский район Московской области). Мероприятие было организовано двумя союзами общин: «Велесов Круг» и «Коло Яра». По данным организаторов праздника, в мероприятии 2016 года (24-26 июня) приняло участие около 1400 человек. В анкетировании приняло участие 163 респондента [8; 9].

Отметим, что анализ некоторых особенностей мировоззрения современных славянских язычников ранее проводился в 2014 году в ходе полевых исследований Р. В. Шиженского [7].